

ДОМ

Ещё стоит мой дом
среди высотных зданий,
затёртый, словно том
поверий и преданий.
Ржавеет дней засов,
скрипят – разохлись – доски
некрашенных полов
в застывших каплях воска.
Года наперечёт,
их стайка в небе тает,
жизнь медленно течёт,
да быстро протекает.
Из амфоры – вино,
вода из старой крынки, –
всё вытекло давно,
быль съежилась в былинку.
Не остывай, дыши
на зеркальце ручное,
мой островок души,
прибежище земное!

* * *

Пахнут флоксы тленом, увяданьем,
Скоро осень, зарядят дожди,
И не обещает расставанье
Новой встречи где-то впереди.
Там, за горизонтом лета, пусто,
Отцветает огненный кипрей,
Остывает голубое русло
Ослепительных погожих дней.
Ворошим усталыми ногами
Палую листву в конце пути,
Что бы ни случилось между нами,
В наше лето дважды не войти.

В этом мире холода и праха
Нас с тобою может уберечь
От распада, мелочного страха –
Как полёт стрелы, прямая речь.
Сядем у огня, где тени резче,
Разговора пёстрый шарф вязать,
Языки у пламени трепещут,
Словно что-то силятся сказать.
А придёт зима, повалит крупка,
Под ногами хрустко заскрипит,
И судьбу, и мир, как льдинка, хрупкий,
Перемелет, перевоплотит...

* * *

Ветер треплет вихрастый лес,
Вертит лопасти ветряка,
И пока запал не исчез,
Нужно трогаться в облака.
Хватит вышивок по канве,
Дуй – попутного в паруса!
На салфетках в мятой траве
Телефоны и адреса.
Моет рыхлый песок волна,
Отошёл последний паром.
На душе такая война –
Что ни в сказке и ни пером.
Подхвати меня и умчи,
Там под куполом высоко
Голубь вьётся и не горчит
Материнское молоко.

ТАЛАШКИНО

Ангел летел над рощей
И обронил перо.
Кто мудрей, тот и проще –
Это, как мир, старо.
Светится, словно свечка,
Нерукотворный Спас,
О золотом крылечке
Тихо струится сказ.
В храм, как в жилую вежу,
Спас сторожит порог:

Взглядом кроток и нежен,
Ликом скорбен и строг.
И хранят берегини
Сказочный Теремок,
Так когда-то княгиня
Скрыню хранила впрок.
Эта мудрость, как стебель,
Выросла в Теремке:
Лучше жар-птица в небе,
Чем воробей в руке.

* * *

И пустая клетка позади

Осип Манделштам

Катись, мой клубочек серебряных нитей,
Сквозь ушко игольное, землю, мытарства,
По жгучим пескам, облакам, по наитью
В неведомый край, в тридевятое царство.
Пусть там обнулятся все коды и тропы,
Все дихотомии с их мелким лукавством,
Поднимется ветер, натянутся стропы,
И я полечу налегке в беспространстве.
И яблочком райским водила по блюдцу
И, путь отмечая, бросала монетки,
Мне было бы просто на Землю вернуться,
Но я не вернусь в опустевшую клетку.

* * *

Жизнь моя – сплошная аномалия,
Ну, а проще – недоразумение,
Но цветёт в ней белая азаля,
Мне на радость, всем на удивление.
Я не вижу грустные реалии
И проблем бесчисленное множество,
Потому что белая азаля
Затмевает пошлость и убожество.
И полна святого благодушия,
В пору её долгого цветения

Бранных слов не слышу и не слушаю,
Слышу только ангельское пение.
Так вот и живём с ней в беспечалии,
Любованьем счастлива на деле я.

А как только отцветёт азалия,
Зацветёт сестра ее, камелия.

* * *

Всё – музыка: движенье грузных туч,
Дождей прилежное стаккато,
Мир многозвучен, сложен и певуч.
Возьми басовый и скрипичный ключ
И двери открывай в сады-сонаты!
За ними – столько сочных дивных нот
Рассыпавшейся зрелой земляники,
Что устремляется душа в полёт
В порыве жить и страстном, и великом.
Фонтанных струй затейливый мотив,
Ручьёв и рек бурливые пассажи,
Здесь каждый звук, как вензель, прихотлив
И каждый голос, как дыханье, важен.

УЗЕЛКИ

В кладовой на полках мешочков полки
С белым рисом, крупой, мукой.
Завязала мама на них узелки
И ушла от нас – на покой.
Ни вселенской скорби, ни чувства вины,
Ни желанья прильнуть к плечу...
Просто вынули душу. Пеку блины
И над ними криком молчу.
Распадается память на островки,
Никому не вымостить гать,
И тесёмочки, мамины узелки,
Не смогу уже развязать.

СТАРАЯ БАШНЯ

Река забвенья сносит сети,
Лишает воли и ума.
Там, где тепло, всё тонет в Лете,
Ну, а у нас стоит Зима.
Она засыплет створ у башни,
В которую когда-то мы
Искать ходили день вчерашний,
Пугаясь призраков и тьмы.
Под сводами металось эхо,
Там пятый век шёл смертный бой,
И сверху сыпались в прореху
Потоки крупки ледяной,
Колючие, как струйки крови,
Давно замёрзшей в облаках.
Скрипели доски ветхой кровли
И сковывал животный страх,
Гнетущий, застарелый, вязкий,
Застрявший здесь с тех самых пор,
Когда в кровавой свистопляске
Сёк ляхов боевой топор.
Пространство начало сужаться.
И чтоб не согнуть, не пропасть,
Нам оставалось – целоваться,
Впервые в жизни пылко, всласть.
С испугу – не по зову плоти –
В тот вечер испытали мы
Мощнейшее оружие против
И страха смерти, и зимы.

ДОЖДЬ

Разверзлись хляби, дождь накрыл
Промокшим одеялом площадь,
Весь город в реку превратил
И тучи в ней теперь полощет.
Мы замерли на самом дне,
Среди затопленных растений,
Нас видит Бог в глубоком сне:
Двух странников, двух привидений.
Пока дожди стоят стеной
И громыхает гром натужно,
Мы в коконе судьбы одной,

Но скоро вырвемся наружу.
Ты полетишь к себе на юг,
Где обдаёт пустыня жаром
И вьются тучами вокруг
Пожаров мотыльки-Икары.
А мне – на север, где терпеть –
Наука и «судьба такая»,
Где мне уже не отогреть,
Как лёд, бесчувственного Кая.

* * *

Февраль растушевал зимы узор графичный,
растёкшийся пейзаж,
в озябнувшей руке, безвольной, анемичной,
графитный карандаш.
Снег вымарал давно рисунок изначальный,
ещё до Покрова,
и то, что о любви нет повести печальной, –
избитые слова.
Ах, если бы всё то, что кажется банальным
по сути и на вид,
не саднило, не жгло и не было фатальным.
Но саднит и болит.
Февраль – погонщик туч. Нелётная погода,
увязший коготок.
Я знаю, у любви срок годности три года,
и он уже истёк.
Все письма удалю, все вирусные фото,
чтоб больше не болеть.
Февраль стирает всё, как ластик, как зевота,
как маленькая смерть.

НИТЬ

Сложить созвучия в слова,
Слова – в соцветия значений,
Сплести венки стихотворений,
В архипелаги острова
Соединить; спаять, скрепить
Пути земные – в анфиладу.
Я – нить, и на себя мне надо

Низать, собою всё прошить.
Сложить из крошева узор,
Из тьмы невнятицы – орнамент,
Из снов – сознания фундамент,
Соткать гармонии ковёр,
Чтоб не распасться, не пропасть
В воронке хаоса и пепла,
И чтоб голубка-мысль окрепла
И в терем к Богу вознеслась.